

РОССИИ СЛАВНЫЙ СЫН

ЛЕРМОНТОВСКИЙ юбилей идет по стране. Городу отвечает город. Давно ли слышали мы слова, полные благодарности и любви к поэту в городке, носящем имя его великого земляка В. Г. Белинского. Как недавно наблюдали истинно народное проявление верности его памяти на митинге в пензенском селе Лермонтово и с непокрытыми головами шли к часовне, где покоится его прах, как на голос Пензы откликнулся Пятигорск — городок, прославленный им на весь мир, — и заговорили поэты, прибывшие в гости к поэтам Кавказа. Начался поэтический форум в честь Лермонтова.

Все считают его своим. Все скорбят до сих пор о его жестокой и безвременной гибели. И гордятся его поэзией — этим гениальным выражением возможностей, заложенных в человеке, ибо Лермонтов принадлежит к числу самых великих, самых озаренных поэтов, которые когда-либо рождались на нашей Земле. Не было в истории другого поэта, который погиб, не достигнув 27-летнего возраста, оставив творения, столь совершенные и заняв такое высокое место в истории мировой культуры. И выступая с речами, полными сердечного жара, любя его, восторгаясь его стихами, драматическими творениями, прозой его, словно желая добавить ему то, что было отнято у него так свирепо свинцовых эпох, в которую ему пришлось жить и работать, поэты читали стихи, ему посвященные. Читали стихи самого Лермонтова. И тут невольно вспоминались те строки, в которых он обращается к Москве, говоря о своей сыновней любви, и другие — где он просит Кавказ благословить его стих, как сына.

В этой сыновней преданности своей пораженной в ту пору родине и Кавказу, который олицетворял в его глазах край свободы, сказалась одна из великих и глубоко национальных черт его таланта, его личности и поэзии, — черта, которая делает творчество Лермонтова особенно дорогим для народов земли и прежде всего для народов советских.

Лермонтову, как и Пушкину, как Маяковскому, как поэту великому и народному по самой сути своей, чужда национальная ограниченность. И это сказалось во множестве произведений его, начиная с его первых творений. «Опять вы, гордые, восстали», — обращается шестнадцатилетний поэт к народу, имени которого нам так и не удалось узнать. Но раз этот народ сражается с самовластием за свободу и честь своей родины, Лермонтов восторгается им и приветствует взлетевшее вверх знамя вольности. С какой благородной решимостью выступает он в защиту угнетенных евреев в «Испанцах» — своей первой трагедии. Как горячо приветствует каждого, кто числит себя поборником вольности!

Накануне своего последнего отъезда из Петербурга он написал очерк «Кавказец». Это — удивительное произведение! И не случайно оно не было напечатано ни при жизни поэта, ни по смерти его. А потом затерялось и обнаружено уже в наше время. На Кавказе идет долголетняя, изнурительная

война. А он, Лермонтов, офицер, сосланный в кавказскую армию,

проявляющий хладнокровие, которое удивляет воинов даже бывалых, пишет, что русский человек не только не испытывает вражды к народам, против которых послан его воевать, но проявляет глубочайший интерес ко всему, что связано с ними, с их жизнью и бытом. «...Он подружился с одним мирным черкесом; стал ездить к нему в аул, — пишет Лермонтов о Кавказе, — ...пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем есть кровь... Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятной».

Этот собирательный образ Кавказца — офицера, прошедшего на войне всю жизнь, — представляет собою как бы продолжение портрета Максима Максимыча из «Героя нашего времени». Но в очерке иначе, нежели в романе, но с таким же великим искусством, Лермонтову удалось показать прекрасные черты русского человека — гуманного, незлобного, спокойного, широкого в своих взглядах, сознающего свою силу и не питающего ненависти к другим народам, даже в обстановке войны. И с великим волеизъявлением — от радости, от гордости за поэта, который в самом начале 40-х годов прошлого века мог сказать то, чего никто еще не сказал до него с такой прямотой, — мы читаем гениальное создание его «Валерик» — стихотворный рассказ о сражении с чеченцами, где говорится о ненужной людям войне и о ненужных страданиях. И с юности привыкший делять мечту о всеобщем братстве людей, пусть в то время мечту утопическую, Лермонтов пишет, размышляя о человеке:

Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

С детских лет слыша рассказы о войне, о горцах, зная кавказские предания, легенды и песни, Лермонтов с увлечением писал поэмы о героях гордых и независимых, о людях пылкого сердца, могучей воли, верных клятве, гибнущих за свободу, за родину, за верность идее, за верность самим себе. Пусть эти герои думают и говорят, как сам Лермонтов. Он сроднился с ними, наделил их своим душевным и умственным опытом. Но вот в 1837 году он снова попадает на Кавказ и видит его новыми глазами — глазами поэта, созревшего и возмужалого человека, который

Ираклий АНДРОНИКОВ

уже сказал бесстрашную правду палачам Пушкина. И в новых его творениях — в «Беглеце», в «Мцыри», в «Герое нашего времени» народы Кавказа являются уже со всей очевидностью, во всей достоверности их национального, социального и психологического бытия. Кажется, нет при этом на Кавказе народа, о котором не рассказал Лермонтов. Олицетворением красоты человеческой явилась в «Демоне» грузинка Тамара, в «Герое нашего времени» — кумыкская девушка Бэла. Кабардинское предание легло в основу «Измаил-Бей». Азербайджанская сказка послужила основой для сказки «Ашик-Кериб». Предания, легенды, песни грузинские, хевсурские, осетинские, черкесские, балкарские легенды о Шат-горе, дагестанский фольклор, песни терских казаков — все вдохновляло Лермонтова. На днях нашлось новое подтверждение его дружбы с Кавказом. Некий Павел Петрович, знакомец поэту по Пятигорску, «родом осетин, ин-

народов — в их объединении с могучей Россией. Об этом и разговаривают в его гениальном стихотворении Шат и Казбек».

И тот же юный и гениальный Лермонтов написал «Родину» — стихотворение, до сих пор пронзающее сердце задумчивой и мудрой любовью к народу России. И холдная русская весна веет в этом стихотворении, и раскинулся бесконечный горизонт русский. И все оно отрицает постулаты российской империи, все устремлено в будущее. Именно о нем и сказал Н. А. Добролюбов, что высшего выражения любви к Отчизне нельзя и требовать от русского поэта. И «Бородино» написал Лермонтов — одно из самых народных, самых национальных, патристических созданий русской поэзии. И «Песню про царя Ивана Васильевича...» написал он — проникший в тайники русской народной поэзии так глубоко, что нынешние ученые сравнивают это произведение с лучшими творениями устного народного творчества, а критика еще в прошлом веке сопоставила его с гомеровским эпосом. Сам Лермонтов остро чувствовал свою связь с русской землей, с русской историей, с русской культурой и с гордостью говорил о том, что он поэт с «русской душой», поэт русский. «Видел руссома Лермонтова», — записал старый литератор, встретивший поэта незадолго до его гибели. В этой строке подчеркнута верность Лермонтова русской культуре, вера его в самобытный путь исторического развития России. Недаром Лермонтов говорил, что если останется жив, будет издавать журнал и печатать в нем сочинения русских авторов, а не одни переводы. И говорил, что нечего тянуться все за Европой да за французским. Но кто, как не Лермонтов, сочинил гневные стихи в защиту Наполеона, в котором он видел премирника революции. И кто, как не Лермонтов, трактовал того же Наполеона как «трехнедельного удалца», когда речь шла о посягновении французского императора на независимость русскую.

Памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске.

гущ или армянин» (фамилия его пока еще неизвестна), возил Лермонтова с собою за линию боевых действий, к Эльбрусу. И никто не трогал поэта: горцы знали — это их друг. Удивительно ли, что он первый из русских поэтов нашел путь к сердцу народов Кавказа. И что эти народы чтят его не только как гения, обогатившего мировую культуру, но и как своего.

При всем том Лермонтову в высочайшей степени было свойственно понимание законов исторического развития России. И сочувствуя горцам в их стремлении сохранить свободу, не подчиниться власти самодержавия, он хорошо понимал, что будущее кавказских

Споря с лидерами зарождавшегося в те годы славянофильства — с людьми, которые звали Россию вернуться к патриархальному порядку, к укладу допетровской Руси, Лермонтов, веривший в великое будущее народа, записал свой ответ им: «У России нет прошлого: она вся в настоящем и будущем». И привел русскую сказку о Еруслане Лазаревиче, олицетворявшем в его глазах могущественные силы народа. Нет, он не отрицал ни самобытной русской культуры, ни героических преданий русской истории. Но он верил в ее будущий путь, в ее грядущую великую миссию. Вот почему, когда мы празднуем 150-ю годовщину со дня рождения Лермонтова и юбилейные торжества перенесли уже в Ленинград, где написан «Герой нашего времени», когда готовится торжественное заседание в Большом театре в Москве — городе, где родился поэт, чья Лермонтова — одного из величайших лириков мира, великого драматурга, прозаика, великого романтика и великого реалиста, — чтим и великого провозвестника мирной жизни и дружбы между народами.